

С. С. МИНЦ
«БОРЬБА С СИОНИЗМОМ» КАК ЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ КУБАНИ (ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК)¹

Обратиться к данному сюжету меня, историка, занимающегося историко-психологическими сюжетами и проблемами российской истории последней трети XVIII–первой трети XIX в. заставили содержание некоторых средств массовой информации Кубани (особенно краевых), а также политическая риторика официальных представителей местных властных структур, нередко выходящая за рамки нормативной лексики, принятой в приличном обществе. Толчком стало и неожиданное приглашение в декабре 1998 г. в краевую администрацию на встречу с заместителями главы администрации Краснодарского края Н. И. Харченко и В. П. Громовым и председателем правительства края В. А. Мельниковым, поставившими перед еврейской общественностью вопрос, является ли борьба с сионизмом причиной роста антисемитизма на Кубани.

Данная статья связана с современной политической жизнью лишь постольку, поскольку предметом своим имеет анализ политического явления. В ней предпринята попытка историко-социологического обобщения небольшой части аналитического материала, собранного в результате двухлетней работы.

Борьба с сионизмом – одна из реалий современной политической жизни Кубани. Она имеет мало общего с историей сионизма как политического течения, зародившегося в швейцарском городе Базеле в 1897 г. На первом этапе своего существования сионизм имел своей целью создание еврейского национального государства. После провозглашения государства Израиль в 1948 г. главной целью сионизма стала организация алии – собирания евреев по всему миру и их возвращения на историческую родину. Зато *борьба с сионизмом*, с начала 1990-х гг. ставшая частью официальной политики кубанской администрации, напрямую соотносится с тем представлением о сионизме, которое бытовало в среде советского руководства сталинской и послесталинской эпохи.

Минц Светлана Самуиловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета. Адрес: 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ФИСМО КубГУ. Телефон: (8612) 699-556. Электронная почта: smintz@hist.kubsu.ru

¹ Данная статья написана в ходе работы над исследовательским проектом, поддерживаемом фондом Дж. и К. Макаруров.

В политической жизни Советского Союза сионизму была отведена роль «страшилки», используемой в качестве политического ярлыка. Как и ссылки на многие другие «измы», обвинение в сионизме позволяло системе осудить человека, не совершавшего никакого очевидного преступления, кроме разве несогласия (иногда внутреннего и не слишком афишируемого) с властью предрешающими. Обвинения в сионизме могли носить публичный характер или не афишироваться за пределами карательных инстанций. Их конкретное содержание никого не интересовало, поскольку само понятие сионизма носило чисто знаковый характер. Оно всегда обозначало человека враждебных политических взглядов, активно противодействовавшего линии партии. Мифологическая природа представлений о сионизме, как и о целом ряде родственных ему «страшилок»-«измов», позволяла проводить под их прикрытием политические акции, которые в другом контексте были бы подвергнуты большинством вовлеченных в коллективные действия сущностному анализу и вызвали бы естественное неприятие массового сознания.

Царская администрация со времен Екатерины не приветствовала появление евреев на Кубани, но целенаправленная *борьба с сионизмом* появилась здесь как одна из реалий гражданской войны. Она была использована в идеологии Белого движения для усиления его антикоммунистической и антибольшевистской направленности².

С победой советского строя борьба с сионизмом стала частью политической жизни советского общества. Обвинения в симпатиях к сионизму стали компонентом конкурентной борьбы в среде государственных служащих. Чаще они звучали в столицах, чем в провинции. Особое распространение получали среди деятелей науки, культуры и искусства. Формирование кубанской интеллектуальной элиты тоже не обошлось без таких обвинений.

В начале 1970-х гг. был последний всплеск борьбы с сионизмом как части официальной государственной политики. Направлена она была больше вовне, обеспечивая поддержку дружественных Советскому Союзу стран арабского мира. В самом СССР ее отголосками стали создание вялого Антисионистского комитета, да сравнительно непродолжительная борьба с «отказниками» и диссидентами. На международной арене ООН под давлением СССР и его союзников приняла резолюцию, объявлявшую сионизм родом фашизма. Резолюция просуществовала недолго и была отменена через полтора года. Вновь она зазвучала уже на рубеже 1980-х–1990-х гг., когда о былых подвигах советского правительства в боях против инакомыслия всех мастей стали

² Куценко И. Я. С. Я. Маршак в Екатеринодаре-Краснодаре: 1918–192. Краснодар, 1997. С. 203–224.

писать в основном мемуаристы и историки, в докладах и выступлениях представителей кубанской краевой администрации.

С конца 1980-х гг., когда в литературно-художественном и общественно-политическом альманахе «Кубань» стали регулярно появляться работы о русофобии и заговоре «мировой закулисы» против всего мира вообще и России в частности, и, особенно, после знаменитого доклада Н. И. Кондратенко, тогда еще председателя Краевого Совета народных депутатов, о причинах экономических трудностей Краснодарского края на фоне экономического краха всей страны, Кубань заслужила славу центра борьбы с мировым сионизмом. Жителям Кубани такая ее репутация, как и безоговорочное причисление огромного региона к так называемому «красно-коричневому» поясу, кажется преувеличением. Тем не менее, современную политическую жизнь Краснодарского края трудно себе вообразить без такого явления как борьба властных структур и некоторых СМИ с «мировой закулисой», осью которой, по старой памяти они считают США и Израиль. Как официальная политическая линия, борьба с сионизмом приобретает своих сторонников и оказывает влияние на состояние сознания кубанцев.

Даже в развлекательной литературе (например, в детективах израильского автора Д. Клугера, часто печатающихся в журнале «Искатель») принято подчеркивать, что к антисемитизму все, что связано с российской борьбой с сионизмом, прямого отношения не имеет, а является видом политической активности правящей элиты в современной России. Практика показывает, однако, что политические игры наших государственных чиновников и политиков разного масштаба рано или поздно сказываются на положении всего населения. Достаточно вспомнить, что горячие точки на территории бывшего Советского Союза и постсоветского пространства возникали в результате борьбы чиновников разных масштабов за власть и сферы влияния. Номенклатурный характер этих конфликтов хорошо известен³.

«Непримиримое противостояние» кубанской краевой и большинства районных администраций мировому сионизму не является чем-то исключительным. Оно укладывается в парадигматику российского политического менталитета, оформившуюся отнюдь не сегодня. Еще во времена Дмитрия Донского и Земских соборов начала

³ Подробнее об этом см.: Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. М., 1994; Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994; Ценности и символы этнического самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994; Суверенитет и этническое самосознание: Идеология и практика. М., 1995. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М.: Мысль, 1996; Социальная и культурная дистанция: Опыт многонациональной России. М., 1998; и др.

XVII в. претензии отдельных феодальных кланов на административную и политическую самостоятельность нередко заменялись требованием этнического (позже – национального) суверенитета. В объяснении нуждается, на мой взгляд, не сам факт наличия такого способа защиты региональной самостоятельности, а причины придания ей формы борьбы с явлением, не имеющим непосредственной связи с исторической судьбой или политическими реалиями региона. На примере современной политической истории Кубани можно выделить ядро политической ситуации, способной, казалось бы, «из ничего» породить межэтническую напряженность, не укладывающуюся в заявленные правила политической игры и выходящую из-под государственного контроля.

Борьба с сионизмом – род политической игры, использующей традиционные стереотипы религиозной и национальной нетерпимости. Хотят или не хотят того ее инициаторы, пропаганда борьбы с сионизмом активизирует в массовом сознании матрицы антисемитизма, издавна эксплуатируемые православной культурой. О существовании подобных матриц пишет, например, Б. А. Успенский, убедительно показавший, что в средневековой православной традиции еврей – не национальность, а социальная функция⁴. Базовая историческая традиция, способствующая совмещению борьбы с сионизмом как реалии политической жизни с обыденным антисемитизмом, связана с особенностями религиозного сознания отечественной культуры и формированием ее политической ментальности.

С работ Н. А. Бердяева и П. Н. Милюкова подчеркивается, что в силу дуальной⁵ природы русской культуры для самоосознания ей постоянно требуется некая антикультура. С утверждением христианства ей потребовалась антикультура дьявольских сил, покушавшихся на истинную веру. Первоначально для утверждения христианской культуры использовалась языческая антикультура. С утверждением идеи России как хранительницы православия, российской культуре стала нужна антикультура, сложившаяся в русле христианской догматики. В ученой богословской среде объектом противопоставления чаще становились католики, именовавшиеся схизматиками. Обыденное сознание, как к более понятному, обращалось к образу еврейского народа: на него христианская церковь возлагала историческую ответственность за распятие Иисуса Христа.

Восприятие еврейства как антикультуры, поддерживаемое рядом высокопоставленных иерархов и частью священников современной

⁴ Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры // Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М., 1994. 219-245.

⁵ Сейчас чаще говорят – бинарной. Подробнее об этом см.: Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 59-70.

Русской Православной церкви, стало в настоящее время настолько сильным, что в некоторых приходах, кубанских в том числе, паства практически начисто забыла о еврейском происхождении Христа и апостолов. Современный русский нацизм пытается под эту иллюзию подвести видимость научной базы, объявив Галилею не географическим, а этнополитическим понятием⁶. Вольное толкование библейских канонов священнослужителями принимается многими прихожанами как ортодоксия и становится составной частью их представлений о символе веры. Господство религиозных матриц в обыденном сознании делает его восприимчивым к настроениям бытового антисемитизма. Не случайно обращение многих современных политических деятелей, воспитанных в *атеистическо-коммунистической вере*, к христианству, делает их искренними сторонниками борьбы с сионизмом. Для сохранения психологического комфорта им легче объяснять современные реалии политической жизни не рефлексивным самоанализом, а апелляцией к тысячелетнему историческому опыту.

Связь современного сознания со средневековым традиционализмом редко подчеркивается современной наукой вне этнологических исследований. В последнее десятилетие к этой теме часто обращаются культурологи, социологи и политологи⁷. Стремительное возвращение в политическое сознание религиозных стереотипов (православное мышление в этом процессе не исключение) заставляет предполагать бóльшую архаизацию российского общества, чем привыкли думать люди, воспитанные на представлениях о величии державы. Борьба с сионизмом имела шанс стать составной частью современного политического менталитета российской провинции только как отражение процессов регионализации, являющихся формой поступательного развития традиционных обществ.

Вторая историческая предпосылка превращения Кубани в центр борьбы с мировым сионизмом – потребность в более развитых формах этнополитического самосознания, столь характерная для постсоветской истории.

На Кубани этнические стереотипы последнего десятилетия выглядят инверсией исторически сложившихся социально-статусных признаков. Традиционно они выполняли иную роль, чем этнические маркеры в других регионах Северного Кавказа. Там этнической

⁶ См., напр.: Баркашов А. П. Азбука русского националиста. М., 1994. С. 68-71.

⁷ Подробнее об этом: Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика). Новосибирск, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему; Кондаков И. В. Русская культура: краткий очерк истории и теории. М.: Книжный дом «Университет», 1999; Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 1999; и др.

идентичности стали придавать значение цивилизационных признаков. Осознание своей культуры как самостоятельной цивилизации становится психологической основой для политического сепаратизма. На Кубани социокультурные стереотипы, сложившиеся в среде казачества и иногородних в течение последних двух веков, довольно быстро стали приобретать статус этнической идентичности. А ее ядром выступало традиционное отношение к государственной власти (на Кавказе *русским* всегда был тот, кто служил России). Идея служения государству в последнее время слишком часто вступает в противоречие с частными интересами людей, в массе своей обнаруживших, что как индивидуумы они совершенно не интересны государственным структурам любого уровня: ни одна из них не способна обеспечить защиту ни чести, ни достоинства, ни имущества, ни самой жизни своих граждан. Кризис сословно-статусной идентичности делает особенно острой потребность в признаках, обозначающих принадлежность частного человека к *сообществу*. Этническая идентичность в современном российском обществе складывается как отражение реакции коллективного отторжения от социально-политических институтов, переставших удовлетворять его потребности. Ее объединяющая способность реализует себя в настоящее время преимущественно на неформальной основе. Стоит ли удивляться, что этническая идентичность, в том числе и ратующая за Великую Россию (а на Северном Кавказе то и дело приходится слышать не только о Великой России, но и о Великой Черкесии или Великой Армении), «работает» сегодня больше на процессы регионализации, чем на реальную консолидацию российского общества.

Третья причина видится в кризисе личностной идентичности, традиционно ориентированной в русской культуре и культурах других народов нашей страны на систему коллективных ценностей.

Устав от пустоты советской пропаганды, население без особого сожаления рассталось с общностью «советский народ», посчитав ее очередной идеологической химерой. Практика показала, что в системе личных ценностей людей разных национальностей образовался вакуум, нуждающийся в адекватном заполнении. Поспешный отказ от интегрирующего компонента этнической идентичности такой общности как «советский народ» стал причиной разочарования части лиц не только в собственной гражданской полноценности, но и в положении России как великой державы. Ее претензии на права политической правопреемницы Советского Союза признаны мировым сообществом, но не нашли должного *психологического подтверждения* в сознании ее собственных граждан, в том числе и русских.

Существование России как великой державы связано с реализацией геополитических интересов, которые невозможно

совместить с узко очерченными границами расселения какого-либо из населяющих ее этносов. Тип полиэтнического государства требует рождения этноса, способного объединить ради общегосударственных интересов (ради державы!) разноэтнические компоненты. Русский народ исторически складывался в результате полиэтнического синтеза. В XX в. его функции принял на себя приобретающий черты этноса советский народ. Его практически директивная отмена поставила в трудное положение прежде всего русских. На массовом уровне понятие «советский» еще не сменилось способным его заменить понятием «российский»; из системы личностной идентификации русских, особенно проживающих в местах компактного расселения других этносов, исчез гражданский компонент⁸. В Краснодарском крае, при преобладании славянского компонента, вакуум гражданской идентичности усиливается исторической памятью, заставляющей людей помнить о новоприсоединенности этого региона.

Русские в целом по стране и на территории нашего края, как и другие народы нашей многонациональной Родины, вынуждены искать новые формы этнической самоидентичности. У них есть такой же выбор, как и у других народов России – придать своей этнической особенности статус цивилизации⁹ или принять в качестве системообразующей своей национальной идентичности гражданский компонент общегосударственного масштаба, т. е. геополитические интересы многонациональной России.

С легкой руки Л. Н. Гумилева этногенез современной русской нации начинают с конца XIV века¹⁰. В XX в. он еще не был завершен (если в таком постоянно изменяющемся историческом феномене вообще может быть что-то окончательно завершенное). На Кубани можно наблюдать фазы этого процесса, более спрессованные во времени. На примере региона, с конца XVIII в. ставшем частью Российского государства и заселенного преимущественно русскими, более четко выделяются и те противоречивые пересечения разновременных и разнонаправленных тенденций, которые влияют на

⁸ Солдатова Г. М. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 58, 62–63 и др.

⁹ Так было в начале XVII в., когда Россия отказалась от военно-политического союза с Речью Посполитой. В результате Польша на долгие годы потеряла свою государственную самостоятельность, а Россия, сохранив национальную независимость и самобытность, создала особую евразийскую культуру и теперь с огромным трудом пытается вписаться в стандарты общеевропейской цивилизации.

¹⁰ «Собственно говоря, – писал Л. Н. Гумилев, – 1399 год можно считать концом древнерусского этногенеза, как падение Константинополя в 1453 г. – византийского. От побоища на Ворскле выиграла только Москва». Чуть дальше он, правда, уравнивает оба процесса и сводит их к 1453 г. См.: Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1992. С. 666; 678 и далее.

формирование национального и политического сознания в условиях системного кризиса, в котором все еще пребывает наша страна. Тем более что в сознании славянского населения Кубани исторически присутствуют следы старообрядчества, традиционно соединявшего свои представления о праведности и социальной справедливости с известной оппозиционностью официальным государственным структурам.

Кубанское казачество как этносоциальная общность тоже выбирает пути становления собственного этнополитического сознания. В своем самосознании оно претендует на роль хранителя истинно русской культуры (общинного земледельческого образа жизни, православной веры и военного служения Отечеству) и спасителя русской нации. Ради этого сословно-статусная группа, сложившаяся в рамках российской государственной системы в XVIII–первой половине XIX в., объявляется народом, не менее древним, чем скифы, а его противостояние тайной сионистской экспансии – продолжением более чем тысячелетней борьбы «двух народов: казаков и славян» с Хазарским каганатом¹¹. Новый миф использует недостатки школьного исторического образования, формируется целенаправленно, тиражируется многотысячно и поддерживается официальными властями. Вдохновляется он официальной политической риторикой, строящейся по типу дискурса угнетенного национального меньшинства:

- идиллическая социальная гармония до явного или тайного завоевания;
- порабощение другим этносом;
- геноцид;
- необходимость возврата к изначальным культурным канонам;
- признание самоценности этнокультурного своеобразия, нуждающееся в подкреплении политической самостоятельностью.

Надежды на психологический комфорт у кубанского казачества еще меньше, чем у остального русского населения. Борцы с сионизмом утверждают, что русские дали себя обмануть и отдали власть в стране сионистам. Следуя логике таких утверждений, надо думать, что казак как хранитель исконных основ государственности – не русский. Он принадлежит другому этносу и готов на любые жертвы (в том числе и среди русских, потерявших этническую, политическую или религиозную «чистоту» и ставших «хриstopродавцами»¹²) ради

¹¹ Бараниченко В. Схватка над бездной: История кубанского казачества в контексте мировой истории. Факты и версии. Краснодар, 1999.

¹² «Хриstopродавцы» – излюбленный термин политической риторики главы администрации Краснодарского края. Это одно из самых приличных определений, обозначающих его политических противников или просто людей, которые ему несимпатичны. По частоте употребления оно второе. Первое – «сионисты», третье –

сохранения истинных политических ценностей. Фактически многоцветная этническая палитра народов Северного Кавказа имеет шанс пополниться еще одним малым народом с большими амбициями и нуждой в собственной территории для их осуществления.

Выбор общероссийской системы ценностей в качестве этнических ориентиров сохраняет кубанскому казачеству исторически сложившийся статус особой группы русского этноса, но тогда в сложной ситуации оказываются краевые власти, сделавшие в своей политике акцент на своей кажущейся оппозиционности Москве. Вместо условной или реальной конфронтации с центром, местной администрации придется искать способы рациональной кооперации не только с центральной властью, но и с самим казачеством и всем остальным населением Кубани. И отвечать за собственную неспособность выполнить предвыборные обещания не перед начальством из Москвы, а перед собственными избирателями, как русскими, так и нерусскими. И реализовывать свой патриотизм не через перенесение политического центра страны в Краснодар или приморский Новороссийск, а через ценности гражданского служения стране и ее народу. Они формировались традиционно, дополнялись и закреплялись в советское время отношением к государственной службе как единственной реальной привилегии, дающей право на доступ в политику государственного масштаба.

Изменение отношения к государственной службе, происходящее на глазах ныне живущих (не думаю, что его можно свести к последнему десятилетию), тоже способствовало превращению Кубани в арену борьбы с сионизмом.

Исключительная роль чиновничества в этом политическом шоу обусловлена историческими особенностями данного региона. В традиционной системе ценностей Российской империи несение государственной службы было равнозначно участию в политической

жидомасоны», четвертое – «космополиты», дальше следует словарь терминов, имеющих специфический статус в русском литературном языке.

Источник для составления частотного словаря политического дискурса Н. И. Кондратенко – официальный орган администрации Краснодарского края газета «Кубанские новости», публикующая выступления губернатора в подредактированном виде по сравнению с прямыми трансляциями по каналам местного радио и телевидения.

При этом Н. И. Кондратенко, безусловно, один из самых профессиональных политиков современной провинциальной России. Он идеальный чиновник, прекрасно вписывается в существующие административные и властные структуры, обладает ярко выраженной политической харизмой и просто честный симпатичный человек, вызывающий искреннее сочувствие даже в крайне непривлекательно выглядящей среде кубанских политиков. См., напр.: Травников А. И. Бои на улице Красной. Краснодар: Флер, 1998. С. 24.

жизни страны. Такое отношение к службе было типичным для военного и статского чиновничества¹³, оно же было характерно для казачества как психологическое обоснование его прав на привилегии¹⁴. В советское время принадлежность к государственной власти стало единственным *надежным* источником существования, а доступ к политической власти было единственным источником *реального благосостояния*.

За последнее десятилетие государственная служба вместо служения Отечеству превратилась в существование на скудный государственный бюджет. В изменении статуса государственной службы – источник фрустрации для среднего жителя Кубани (основная масса горожан и многие жители сельской местности по-прежнему являются работниками бюджетной сферы). Здесь же и сильнейший генератор недовольства местного чиновничества. Мысль о необходимости борьбы с сионизмом (последний мыслится как расположенный в Москве и имеющий на местах лишь «подголосков») помогает кубанским управленцам и политикам из официальных структур выразить их отношение к изменившемуся престижу государственной службы и их недовольство утратой на местах монополии на политическую деятельность.

Узкопрофессиональные конфликты, рожденные в номенклатурной среде, находят благодатную почву для укоренения среди населения края из-за усилий той же номенклатуры, предпринимаемых в течение многих предшествующих десятилетий. В крестьянском сознании дореволюционной России одной из сильнейших черт была боязнь чиновника. И вера, впрочем, часто рушащаяся, в защиту «своего» барина или государя-батюшки¹⁵. На Кубани, под давлением традиционной веры в государство, она трансформировалась в боязнь чиновника «из чужих» и верой довольно значительной части населения в безупречного народного защитника всекубанского «Батьку»¹⁶.

¹³ Подробнее об этом: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974; Минц С. С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.: Нестор, 1998; Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999; и др.

¹⁴ Матвеев О. В. Слово о кубанском казачестве. Краснодар: Советская Кубань, 1995.

¹⁵ Литвак Б. Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. С. 199–214. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 33–44; Клибанов А. И. Духовная культура русского народа. М., 1998.

¹⁶ Вера эта беззастенчиво эксплуатируется официальными властями. См., напр.: Ротов В. С., Придиус П. Е. Кубань: Один год с Батькой Кондратом и его дружиной.

В одном из плодороднейших регионов страны удивительно сильна боязнь искусственного голода. Формированию этой установки в течение долгого времени способствовали не только политика центра, но и политические амбиции местной администрацией. Оставаться во властных структурах кубанские чиновники могли, только беспрекословно подчиняясь распоряжениям Москвы. Историческая память жителей Кубани, сохранившая воспоминания о станицах, вымирающих от голода, активизируется картинами недавнего прошлого. Люди моего поколения прекрасно помнят торжественные реляции о перевыполнении кубанцами планов государственных поставок. Их следствием были очереди за сахаром «по килограмму в одни руки», несъедобный хлеб начала 1960-х гг., продаваемый по карточкам, пустые полки продуктовых магазинов 70–80-х гг., поезда «из центра», где пассажиры стремились раньше других занять тормозные ящики, служившие импровизированными холодильниками, и массу продуктов типа сосисок или подсолнечного салатного масла «Кубанское», имевших, как и многие другие самые обыкновенные сейчас вещи, статус «деликатесов»: их можно было свободно купить в Москве, но, вплоть до начала 90-х гг., приходилось «доставать» на Кубани. Картины эти, естественно, несопоставимы с трагедией реального голода, но историческая память делает прошлое равновеликим жизни конкретного человека и активизируется ассоциациями, подсказываемыми индивидуальной памятью. Таков уж у нее механизм превращение коллективных воспоминаний в индивидуально-личностное переживание. Образ чиновника, жертвующего всем ради карьеры и послушно выполняющего распоряжения центра, занимает в исторической памяти жителей Кубани не последнее место.

Теперь, в условиях демократизации политической жизни, краевая администрация, прокламируя свою мнимую оппозиционность центру, стремится переложить на плечи кубанцев заботу о своем положении в отечественных властных структурах. И активизирует стариннейший стереотип крестьянского сознания, который в условиях чрезмерной централизации страны в советское время стал составной частью провинциального менталитета. Историческая память, напрямую не сопоставляя ни страшные голодные годы, ни репрессии сталинских времен, ни последующие хозяйственные и социальные эксперименты с государственной властью в целом, на подсознательном уровне заставляет людей бояться давления центра. Традиционное уважение к государственной власти облекает эти страхи в фантомные образы.

Жители Кубани охотно верят, что виновато не государство, а недобросовестные люди, узурпировавшие полномочия государственной власти. Существование «не своего» чиновника готовы подозревать в Москве, в краевом или районном центре, у себя под боком. Тем более, что кликушество лидеров краевой администрации накладывается на более древние структуры сознания.

Именно к древнейшим доклассовым и раннегосударственным пластам народной памяти нередко обращаются люди, столкнувшиеся с кризисом и православного, и политического сознания в современном российском обществе.

Слишком тесный трехсотлетний союз РПЦ с государственной властью, какие бы формы она не принимала, не мог не породить в умах людей недоверия к церковным структурам. На обыденном уровне оно выливается в попытки противопоставить христианству как «чужой», «иудейской» религии, более древнее, «чистое» язычество, не запятнавшее себя союзом с властью, пренебрегающей интересами частных людей. Неспособность государства обеспечить необходимый минимум для существования своих граждан (элементарную безопасность жизни и имущества, нормальное существование в нетрудоспособном возрасте) заставляет людей *заранее* искать средства самозащиты. Части населения надежной защитой представляется создание институтов гражданского общества и механизмов реализации частной инициативы. Часть видит гарантию самозащиты в привычном осознании исключительности своих прав на привилегии. Не случайно русский национализм молодеет. Кубань в этом отношении не исключение. В отличие от других форм национализма, с которыми приходится сталкиваться на территории России, бóльшую агрессивность он приобретает «снизу». Властные структуры, уверенные, что их политика борьбы с сионизмом всего лишь *игра*, могут и не заметить, как ситуация выйдет из-под их контроля. Тем более, что политический деятель, как бы ни был он уверен в своей исключительности, и какой бы харизматической силой он ни обладал, как и любой рядовой гражданин, не отдает себе отчета, насколько он может контролировать собственные действия, а насколько они подчинены законам психического бессознательного.

В современном обществе традиционные архетипы исторического сознания проявляются на уровне коллективного бессознательного и вербализируются в элементах этнического самосознания. Борьба за этническую самостоятельность неизменно перерастает в политику национализма. Столь же обязательно создатели правил политической игры сами оказываются под властью традиционных стереотипов. Политические интриги сливаются с коллективным бессознательным, над которым человек уже не властен. Политик, рассчитывающий играть

чувствами масс, сам оказывается в ловушке. Остановиться он уже не может. А если попытается сойти с им же заданной «дистанции», участники разбуженного им национального движения, перерастающего в националистическое, сумеют обойтись без него. Мы видели примеры подобного лавинообразного взрыва националистических настроений в национальных республиках и областях.

Борьба с сионизмом, пропагандируемая краевой администрацией, создает основу для националистической волны в регионе с преобладанием русского населения. В этом ее специфика как реалии политической жизни Кубани. Причина появления в политическом менталитете современного общества такой составляющей как противостояние мировому сионизму – кризис национальной и гражданской идентичности, связанный с распадом Советского Союза и часто проявляющейся в повседневной жизни неспособностью государственных структур разных уровней защитить интересы собственных граждан. Исторические корни повышенного внимания к борьбе с сионизмом на Кубани – в особом месте религиозного и политического сознания в культуре русского народа, обусловленном известной долей традиционализма в российской жизни, более высокой организующей ролью государства в ней и большей зависимостью новоприсоединенного региона от состояния российской государственности.